

Посвящается Корин и Айану, которые
каждый день помогают мне «любить
жизнь в бесчисленных, никогда не исто-
щимых всех ее проявлениях»*

* Слова из неотправленного письма Л. Н. Толстого П. Д. Боборыкину, июль–август 1865 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. — М.: Государственное издательство художественной литературы. Т. 61. — С. 100 (далее — ПСС, с указ. тома и страницы. Эл. версия: <https://www.tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/?df=&dt=&q=&page=3>). — *Прим. ред.*

*Художник для того, чтобы действовать
на других, должен быть ищущим, чтоб его
произведение было исканием. Если он все нашел
и все знает и учит или нарочно потешает,
он не действует. Только если он ищет, зритель,
слушатель, читатель сливается с ним в поисках.*

Л. Н. Толстой. Дневник, декабрь 1900 г.^{1*}

* Примечания, отмеченные цифрами, помещены в конце книги. — *Прим.
ред.*

Оглавление

Напутствие читателю.....	11
Введение.....	17
Глава 1. ПЛАНЫ.....	37
Глава 2. ТВОРЧЕСТВО.....	51
Глава 3. ОЗАРЕНИЕ.....	73
Глава 4. УСПЕХ.....	93
Глава 5. ИДЕАЛЫ.....	117
Глава 6. СЧАСТЬЕ.....	137
Глава 7. ЛЮБОВЬ.....	161
Глава 8. СЕМЬЯ.....	185
Глава 9. МУЖЕСТВО.....	207
Глава 10. СМЕРТЬ.....	233
Глава 11. СТОЙКОСТЬ.....	257
Глава 12. ИСТИНА.....	275
Слова благодарности.....	299
Приложение 1. Знакомьтесь: Лев Толстой. <i>Важнейшие события в жизни писателя.....</i>	303
Приложение 2. <i>Кто есть кто в романе «Война и мир»: имена и титулы персонажей.....</i>	311
Дополнительная литература.....	315
Несколько слов о переводах «Войны и мира».....	321
Об авторе.....	323
Примечания.....	325

Напутствие читателю

Осенью 1987 года, поступая в Амхерстский колледж, я был совершенно уверен, что выберу экономику или политологию в качестве специальности, а изучать русский язык продолжу где-нибудь еще, как делал это с младших классов средней школы. Горбачев пришел к власти всего за несколько лет до этого, и, поскольку в тогдашнем Советском Союзе открылись возможности для бизнеса, мои родители мудро посоветовали мне, еще будучи учеником средней школы в Мичигане, начать изучать русский язык. Тогда я и понятия не имел, что это, казалось бы, не самое важное решение, принятое по чисто прагматическим соображениям, станет началом главного духовного путешествия в моей жизни.

На втором курсе университета я начал посещать обзорные лекции по русской литературе. В первые же дни профессор предложил поработать с книгой еще сложноватой для нас, студентов. Речь шла о, наверное, самом знаменитом романе в мире, а именно о шедевре Толстого «Война и мир». Помню, как я бродил по извилистым дорожкам кампуса с до смешного толстым, зачитанным почти до дыр томом с вываливающимися страницами, уголки которых читатели загибали, а потом аккуратно разглаживали; количество этих страниц выражалось четырехзначным числом. По вечерам я читал роман, скрючившись на потертом красном двухместном диванчике возле стеллажей

с книгами в цокольном этаже библиотеки имени Роберта Фроста* или в отсутствие соседей по комнате в общежитии сворачивался с книгой клубком под покрывалом на своей на редкость неудобной кровати. Барахтаясь в океане подробностей, впечатлений и неудобнопроизносимых имен, я все глубже погружался в мир другой страны, который тем не менее начинал казаться мне странно знакомым.

Один из героев книги, особенно яркий, совершенно как живой, словно выступал с ее страниц, обращаясь непосредственно ко мне. Это был Пьер Безухов — неуклюжий двадцатилетний очкарик, только что вернувшийся из Европы, где прожил 10 лет, и пытавшийся найти свое место в быстро меняющейся России. Мне, юноше, выросшему в маленьком городке на американском Среднем Западе и внезапно очутившемся на холодном деловом Северо-Востоке, были понятны чувства Пьера; я находил у себя много общего с тем, что творилось в его мятущейся душе. Мне было знакомо страстное стремление Пьера к осмысленной, подлинной и полной жизни. Его долгая, извилистая дорога к истине увлекала и вдохновляла меня, и я, поначалу едва не заплутавший в тексте Толстого, вскоре начал узнавать себя в нем.

На сегодняшний день мы со Львом Толстым уже почти 25 лет вместе. Я знаю его дольше, чем многих друзей и коллег, а наши отношения, как недавно заметила моя жена Корин, с некоторым беспокойством наблюдая за тем, как нежно я поглаживаю потрепанную обложку старого университетского издания «Войны и мира», куда глубже. У нас были взлеты и падения, случались и разногласия, мы даже несколько раз расставались. После аспирантуры мне настолько осточертела академическая жизнь, что я бросил Толстого и русскую литературу в целом

* Роберт Фрост (1874–1963) — один из крупнейших американских поэтов. — *Прим. ред.*

ради заманчивой перспективы артистической карьеры. Я вернулся к старому графу лишь несколько лет спустя и был поражен, обнаружив, что в мое отсутствие он стал еще мудрее, а роман «Война и мир» так же свеж и важен для меня, как много лет назад, когда я впервые прочел его, — и даже более того. Как это бывает с большинством длительных отношений, я заново открыл для себя причины, по которым когда-то влюбился в Толстого. Я полюбил его прежде всего за сочетание скептицизма и надежды, за детское любопытство, с которым он смотрит на мир, прекрасно понимая, кто есть кто и что есть что. Я полюбил его за то, что он отваживается верить в человеческую доброту, даже если его рациональный ум указывает на тысячу причин, по которым делать этого не стоит; за вечную готовность окунуться прямо в реку жизни, плескаться и играть в ее водах, отлично зная, что ниже по течению наверняка маячит бушующий водопад.

Когда сегодня российские школьники знакомятся с «Войной и миром», мальчики обычно читают исключительно «про войну», а девочки — «про мир». В результате те и другие не просто пропускают события, которые кажутся им неинтересными, но упускают самую суть романа. Нелишне напомнить, что в русском языке слово «мир» означает как отсутствие войны, так и космос, Вселенную. Поэтому русские понимают, что роман Толстого не только о войне и мире в «земном» смысле, но также про войну и мир в особом, космическом измерении. Эту тонкость невозможно передать при переводе на английский язык. Уклоняетесь ли вы от пуля на поле боя или парируете остроумный выпад недоброжелателя на военном совете; командир ли вы, готовящийся отразить атаку вражеских войск, или хозяйка светского салона, пытающаяся избавиться от несносного гостя; генерал ли, ведущий войско через русскую деревню, или мальчишка, собирающийся сообщить отцу, что только что проиграл 43 000 рублей, — жизнь, говорит нам Толстой, — это битва.

А еще это движение и изменение: «Нет ничего stable* в жизни. Все равно как приспособляться к текущей воде. Все — личности, семьи, общества, все изменяется, тает и переформируется, как облака. И не успеешь привыкнуть к одному состоянию общества, как уже его нет и оно перешло в другое»².

Тем не менее из всей этой разногласицы, из всех этих столкновений «Войны и мира» рождается удивительное, обнадеживающее видение мира как места, которое, несмотря ни на что, исполнено смысла. И пускай автор этого «рыхлого, растянутого монстра», как называл американский писатель и критик Генри Джеймс длинные романы викторианских времен, не желает связывать разные вещи в единое целое и придавать тексту добротную, изысканную литературную форму, все же у читателя романа не остается впечатления, что, как считали некоторые «просвещенные» современники Толстого, мир, в котором мы живем, — всего лишь отражение взаимодействия великого множества физических, химических и биологических сил. Жизнь, какой нам показывает ее Толстой, одновременно беспорядочна и осмысленна, прозаична и поэтична, чувственна и разумна — и, чтобы мы это увидели, требовалась такая литературная форма, которая позволила бы показать и детали, и общую картину, представить читателю взгляд более широкий, нежели тот, который был свойствен многим современникам Толстого, застрявшим на мелочах и погрязшим в идеологических разногласиях.

«В умной критике искусства, — писал Толстой своему другу философу Николаю Страхову в 1876 году, — всё правда, но не вся правда, а искусство потому только искусство, что оно всё»³. Поэтому, объяснял он ему в другом письме, «нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей

* Устойчивого (англ.). — Прим. пер.

в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства»⁴. Иными словами, необходимы люди, которые, вместо того чтобы деконструировать литературное произведение, то есть разрушать его в процессе анализа ради продвижения своих идеологических или профессиональных установок, стремились бы конструировать его, то есть воссоздавать во всей полноте на благо читателей всего мира; люди, которые вместо того, чтобы расщеплять книгу на элементы, как химический препарат в чашке Петри, обращались бы с ней как с живым, дышащим существом.

В московском музее писателя я познакомился с удивительной женщиной — хранительницей рукописей Толстого. Когда миниатюрная 70-летняя дама с сухим морщинистым лицом и тонкими седыми волосами рассказывает о том, каково это — прикасаться к страницам черновиков «Войны и мира», ее светлые и добрые, как у святой, глаза загораются и собеседнику хочется как можно скорее оказаться там, где хранятся рукописные страницы, и прикоснуться к ним. «Они любят, когда с ними работают», — говорит дама и улыбается так радостно, как если бы рассказывала о своих детях или внуках. Ничего удивительного — для нее эти рукописи живые. В самом деле, мудрые слова этой женщины следовало бы выбить над входом в каждую школу, в каждую университетскую аудиторию, где читают лекции по литературе: «Книги — живые». Они любят, когда их не просто «изучают», а взаимодействуют с ними на глубоко личном уровне, полностью отдаваясь чтению; при этом и пространство читательского «я», и мир книги расширяется до такой степени, какую трудно себе представить.

Я старался быть именно таким читателем — таким, каким, мне кажется, Толстой хотел бы видеть читателя своего романа. Увенчались ли мои старания успехом? Кто знает... Одно могу сказать с уверенностью: я дал «Войне и миру» шанс войти в мою жизнь и надеюсь, что вы сделаете то же самое.

Искатель истины. Толстой идет из Москвы в Ясную Поляну,
1886 или 1888 г.

Введение

Времена трудные, страх и тревога нарастают, люди ищут ответы на важные (и не очень) вопросы. Страна воюет, предчувствие перемен носится в воздухе, будущее неопределенно. Добро пожаловать в Россию начала XIX столетия! Добро пожаловать в мир Льва Толстого и «Войны и мира»!

Величайший русский писатель умер более века назад, однако мудрость, содержащаяся в его самом известном сочинении, сегодня актуальна как никогда. Книга, которую большинство критиков считают самым выдающимся романом всех времен и народов, принадлежит и к числу тех, которых больше всего боятся читатели. Ничего удивительного: в ней около 1500 страниц, 361 глава, 566 000 слов. Тем не менее она вновь и вновь переиздается. Регулярно «Война и мир» входит на Amazon в число 50 главных бестселлеров в категории «Мировая литература» и занимает третью строку в списке самых продаваемых книг о войне. Несмотря на то, что в 2006 и 2007 годах вышло сразу три новых перевода романа, издательство Oxford World's Classics в 2010 году выпустило новое издание в великолепном переводе Луизы и Эймлера Мод.

В июле 2009 года в рейтинге журнала *Newsweek* «Война и мир» стояла на первом месте в списке 100 великих романов, опережая романы Оруэлла «1984» (2-е место) и Джойса

«Улисс» (3-е место). В 2007 году *The AARP Bulletin* — издание, которое читают миллионы людей, — включило роман в число четырех важнейших книг, которые к 50 годам обязан прочесть каждый. А по результатам опроса, проведенного в 2009 году газетой *The New York Times*, «Война и мир» признана классическим произведением мировой литературы, которое люди чаще всего читают в метро.

На популярность «Войны и мира» не повлияли ни выбор Опррой Уинфри «Анны Карениной» для обсуждения в ее «Книжном клубе» летом 2004 года, ни экранизация в 2012 году этого романа с Кирой Найтли и Джудом Лоу в главных ролях. Роман «Анна Каренина», изобилующий семейными проблемами, разрушенными браками и яркими эротическими сценами и заканчивающийся одним из самых страшных в мировой литературе самоубийств, написан словно специально для Опры и Голливуда. Но «Война и мир»? Что могут увидеть в книге о Наполеоновских войнах начала XIX века все эти преданные читатели *Newsweek*, пенсионеры и спешащие на работу пассажиры метро?

Отражение сегодняшнего времени.

Век «Войны и мира» был, знаете ли, далеко не таким спокойным и благостным, как думают многие наши современники, живущие в раздираемую войнами, перенасыщенную информацией и теряющую нравственные ориентиры эпоху. Время и атмосфера, в которых разворачиваются события «Войны и мира», — Наполеоновские войны 1805–1812 годов — были ознаменованы чрезвычайно глубокими социальными сдвигами, утратой духовных ценностей и тяжелыми испытаниями. Наполеон, которого многие русские называли антихристом, был безжалостным убийцей, к тому времени захватившим уже пол-Европы. Хуже того, с точки зрения представителей *anciens régimes*^{*}, этот

* Старого режима (фр.). — Прим. ред.

простолюдин, силой проложивший себе путь к власти, внушал молодежи радикальные революционные идеи.

Толстой неслучайно выбрал для «Войны и мира» именно это смутное время. Годы, когда он писал роман, — 1860-е — во многом были не менее бурными. Страна потерпела унижительное поражение от французов и англичан в Крымской войне. Александр II решил компенсировать ущерб за счет модернизации практически всех сторон российского общества и затеял целый ряд глубоких социальных, экономических и политических реформ, включая вызвавшую много споров отмену крепостного права в 1861 году. Все это лишь углубило многолетний раскол между либералами, мечтавшими о более быстрых и радикальных изменениях, и консерваторами, надевшимися на возвращение привычных старых порядков. Помимо всего прочего, нарастанию хаоса способствовало и зарождение капитализма в стране с многовековыми феодальными и аграрными традициями.

Александр Герцен, один из главных сторонников реформ, блестяще выразил царившую атмосферу кризиса в своем журнале с говорящим названием «Колокол»: «Гроза приближается, этого отвергать невозможно. В этом соглашаются люди революции и люди реакции. У всех закружилась голова; тяжелый, жизненный вопрос лежит у всех на сердце и сдавливает дыхание»⁵. К 1863 году, когда Толстой приступил к работе над «Войной и миром», «тяжелые вопросы», о которых писал Герцен и которые ранее ставились лишь интеллектуалами, уже выплескивались со страниц умных журналов и из академических аудиторий на улицу, проникая во все уголки российского общества.

Социальная ткань истончилась до предела; Толстой остро это ощущал. «Мы начинаем с начала на новых основаниях»⁶, — писал он в 1861 году в дневнике. С одной стороны, художник,

считавший себя ответственным за состояние общества и терзавшийся чувством вины, сопереживал крестьянам, веками страдавшим от крепостного права, — тем более что крепостные были и у самих Толстых. С другой стороны, этому знатному и богатому аристократу, владевшему огромными земельными угодьями, было что терять от распада традиционного общественного уклада, обеспечившего процветание нескольких поколений его предков. Под угрозой оказались и положение графа в обществе, и его финансовое благополучие.

Богатые дворяне-землевладельцы, к числу которых принадлежал Толстой, теперь были вынуждены прокладывать себе путь в незнакомом и жестоком мире свободного рынка. Многим это не удалось. Толстому тоже пришлось столкнуться с финансовыми трудностями. Начать с того, что унаследованные им земельные угодья площадью 100 акров (более 40 га) в Ясной Поляне истощились и уже не давали такого урожая, как прежде. К счастью, практичная супруга графа договорилась о публикации «Войны и мира» на очень выгодных условиях, и эти дополнительные средства позволили на время смягчить финансовые проблемы семьи. И вот в 1869 году Толстой отправляется в путь, чтобы купить земли, и в Арзамасе, в доме, где он останавливается на ночлег, у него случается сильнейшая паническая атака. В письме к жене Толстой описывает ее так:

Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай Бог испытать⁷.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru